

Нюансы, или В поисках сложных решений

Сыродеева А.,
Институт философии РАН, Москва,
h.puck@mail.ru

Аннотация: Нестабильные, во многом неопределенные в своих характеристиках социальные образования — очевидная ныне реальность. У совокупных социальных субъектов все меньше «чистых», однозначных свойств. Напротив, есть много разных характеристик, которые, как правило, не дают сформироваться «острым углам», резким чертам портрета. По какой причине наш современник, тем не менее, предпочитает руководствоваться однозначными критериями и оценками, соответствующими скорее жестко-статичной структурной организации общества? Ведь тем самым он нередко участвует в возникновении разрывов социального полотна и в свою очередь превращается в заложника общественного противостояния. Можно ли надеяться на отказ от подобной стратегии в пользу более гибкой и взвешенной? Подход с точки зрения меры выраженности той или иной характеристики, а также позиция модератора диалога в этом смысле представляются подспорьем нашему современнику.

Ключевые слова: неопределенность, многообразие, амбивалентность, однозначность, дихотомии, противостояние, мера, модератор, нюансы, стереотипы, Другой.

...коль скоро мы находимся в сложной и крайне неопределенной жизненной ситуации, не лучше ли скорее учиться выживать в этой сложности, понимать ее? Ведь неопределенность современной ситуации, насколько можно судить, не поддается упрощениям, разве что по старым рецептам и посредством старых дихотомий.

Наталия Автономова

...фашизм — это не идея. Фашизм — это отношение к идеям, с которыми ты не согласен. <...> когда, в какой момент я решил, что сострадание следует выдавать по карточкам политической принадлежности?

Владимир Яковлев

Противоречивая тенденция

Мы живем в стремительный век. Одним из следствий наблюдаемой динамичности жизни стало возрастание в социуме числа групп и при этом особого типа. Данную тенденцию помогает описать предложенная Б. А. Грушиным категория массы. Случайные, временные, внутренне неструктурированные, с открытыми границами массовидные социальные субъекты (для которых ни их собственные размеры, ни социальный статус пребывающих в них не являются определяющими свойствами)¹ среди прочего поддерживают и усиливают в социуме *многообразие на уровне нюансов*. В этом контексте вопрос *меры и пропорции выраженности тех или иных характеристик* становится значимым для групповой идентификации. Естественным образом, чем больше число социальных субъектов, тем больше зон и линий размежевания, а значит и поводов для межгрупповых отношений. При этом, казалось бы, если устойчивые, четкие параметры групп подталкивают к реализации отношений в однозначной форме, то аморфные образования должны способствовать скорее сбалансированному, гибкому поведению. Тем не менее мы являемся свидетелями многочисленных фактов достаточно напряженных отношений и жесткого противостояния как в виртуальных дискуссиях, так и в стычках на улицах и стадионах. Почему столь устойчивой оказывается «старая» социальная привычка на фоне очевидного для современной жизни сочетания динамики и многообразия, метафорически именуемого британским социологом Зигмунтом Бауманом «текучестью»²?

На пути к выбору стратегии

Очевидно, что межгрупповое (реализуемое в том числе на межличностном уровне) противостояние нередко оказывается следствием внешней манипуляции. Но даже в подобных случаях нельзя не признать наличие своего рода социальных склонностей,

¹ Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. — М.: Политиздат, 1987.

² Свою лекцию в Москве в 2011 г. З. Бауман подытожил словами: «...единственным постоянным аспектом, атрибутом нашей действительности является **непостоянность**, единственной уверенностью, которой мы обладаем наверняка, является **неуверенность**» (Бауман З. Текущая модерность: взгляд из 2011 года. URL: <https://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>). См. также: Бауман З. Текущая современность. — СПб.: Питер, 2008.

которые запускают маховик взаимного неприятия, а внешняя срежиссированность работает лишь как дополнительный, подстегивающий фактор.

К таким склонностям может быть причислена слабая чувствительность к полутонам и нежелание разгадывать *мозаичный* ребус Другого. Понятным образом, оперировать ограниченным количеством и при том отчетливо выраженных характеристик проще. Поэтому так востребованы оказываются стереотипы, несмотря на неоднократно доказанную их односторонность, узость и неадекватность. Без усилия и тем более тренировки сознание выбирает легкий путь.

Между тем, видя Другого как набор, коллекцию нюансов, мы оказываемся не просто более объективны, мы обретаем дополнительные опоры. Воспринимая человека сквозь дихотомию друг–враг, мы можем вступить с ним в сотрудничество с вероятностью 50%. Воспринимая его сквозь оптическую призму, чувствительную к полутонам и делая ставку на представляющееся нам позитивным, мы в значительно большем числе случаев имеем шанс найти общие направления для взаимодействия. Не по этому ли пути двигаются публичные деятели, ведя переговоры с террористами при решении проблемы заложников? От террориста сложно дожидаться встречного шага, если не сделать над собой усилие и не попытаться усмотреть в нем искры человечности. Аналогичную стратегию выбирает руководитель, когда стремится поддерживать связь с разными группировками коллектива или сообщества. Лидер, делающий выбор в пользу какого-то одного лагеря, тем самым не только запускает маховик войны, но и сужает базу для собственной поддержки³.

В том, как мы воспринимаем окружающих нас людей и сообщества, мы выступаем в роли «лидеров», «руководителей» в пространстве собственного восприятия. Мы можем «консолидировать» окружающий нас мир, делая ставку на представляющееся лучшим в каждом его уголке-закоулке, а можем делить на белый и черный, тем самым раскалывая его. Это не означает отказ от более или менее кропотливой работы с приоритетами.

³ Число примеров можно продолжить. Так, учитель, фиксирующий сильные, яркие моменты в каждом ученике, работает на сплочение класса, а разделяющий ребят на любимчиков и изгоев, раскалывает его, психологически травмирует учеников, которые нередко объединяются уже против него самого (как случилось с инспектором Мартином Пилецким — «пастырем душ» царскосельских лицейств. См.: Тынянов Ю. Н. Пушкин. — М.: Художественная литература, 1987. — С. 315–318). Родители более, чем кто-либо другой, знают сильные и слабые стороны своих детей, но считается очень опасным для всех членов семьи, когда родительская любовь становится избирательной.

Главное, что наше социальное сито остается столь мелким, что в него не проваливается практически никто.

Однако как при этом быть с мнением, утверждающим: «Если не ты, то тебя»? По всей видимости, имеет смысл воспринимать его *в ряду других* аргументов. Не стоит обманывать себя ни страхами, ни иллюзиями, куда более оправданно отдавать себе отчет в том, что всякое качество имеет меру выраженности. При этом акцент делать на представляющемся положительным, пусть и в разной степени присутствующем, проявленном.

Это далеко не только позиция компромиссов, прагматизма или всечеловечности. Это вопрос конструктивности. Ибо в противном случае человек оказывается разьедаем неустанной борьбой. Как ни наивно это звучит, но подспорьем выступает совсем иная внутренняя установка: подмечая представляющееся принципиальным, уже в момент восприятия, пусть лишь в субъективном пространстве, доброе начало оказывается в выигрыше, реально получает поддержку.

Итак, *признание неоднозначности* того или иного социального феномена — один из первых шагов в восприятии мира в его сложности, многогранности. Это позволяет преодолеть как негативные стереотипы, так и идеализацию, готовит к встрече с разными вероятными событиями и сценариями.

Постановка вопроса о мере выраженности отдельного свойства — следующий шаг, направленный на *работу с амбивалентностью*. Он базируется на предположении, что любой социальный феномен формируется множеством факторов, а потому несет в себе разное в той или иной пропорции. Никому не удастся приватизировать конкретное качество. Мера его выраженности дает шанс для встреч, взаимопонимания социальных субъектов. Она континуальна, а не разрывна.

Между тем сторонников противостояния можно повстречать в любом из лагерей: консервативном и либеральном, революционном и реформаторском. Нет среди нас неотягощенных жесткостью в подходе к Другому. Каждый периодически оказывается в положении, где собственное знание ограничено, и мы то вынужденно, то произвольно начинаем обращаться к полюсным характеристикам. Резкая критика, безапелляционная однозначность, негибкость легко воспроизводимы. Всякий без труда вспомнит о собственном нетерпимом поведении, о своей горячности при вынесении оценок другим.

При этом мы демонстрируем подобное поведение и в бытовых, и в профессиональных делах, в личной жизни и в публичной сфере.

Что же помогает социальным субъектам настраивать инструмент меры? Не будем спешить с ответом на этот вопрос и позволим себе небольшое отступление.

Частный случай

Как иллюстрацию к сказанному (а может быть, в качестве своего рода проверки на авторскую искренность и самокритичность) жизнь преподносит реальный случай.

Лето. Дача. Садовое товарищество стоит перед вопросом о том, кому на новый срок быть председателем, и кто войдет в правление. Наблюдается почти единогласное признание продуктивности проделанной работы и бухгалтерской прозрачности отчитывающейся команды. Однако имевший место стиль деятельности вызывает у многих вопросы и неприятие своей авторитарностью, манипулированием демократическими процедурами в целях укрепления власти. Подобная манера руководства формирует пагубную для садового товарищества атмосферу (слезка, оскорбления вместо соседской поддержки). Все более отчетливо просматривается плохо скрываемое стремление материального обогащения.

Сама по себе амбивалентность действующей команды и соответствующего отношения к ней не является чем-то необычным. Вопрос в том, может ли после случившегося раскола мнений состояться диалог между лагерями товарищества? Авторитарный стиль правления блокирует его. Сторона, находящаяся в меньшинстве, по причине всевозможных хитростей руководства кооператива фактически лишена права участия в собрании, против ее сторонников высказываются оскорбления и инициируются судебные разбирательства, а еще ранее ее представители выводились из состава правления. Подобное «повышение ставок» провоцирует сторону меньшинства переходить на эмоциональный стиль ведения дискуссии. Во многом такой сценарий был реализован и на предыдущих собраниях.

Что и кто в силах перевести противостояние в дискуссию, при которой обе стороны руководствовались бы нюансами, вопросами меры? Думается, эту роль способен осуществить модератор, в лице которого каждая из сторон видела бы представителя своей позиции.

Фигура модератора

Позиция модератора (если речь идет не о попытке добиться сугубо личной выгоды, улучшив собственный образ в глазах общественности, например, в ходе публичного шоу, не о роли судьи, имеющего право выносить решения и приговоры в пользу одной из сторон, не о позиции Большого брата, обладающего исключительной властью принимать решения или претендующего на последнюю) по-своему очень сложная, в том числе психологически, нередко даже опасная и трагическая. Ведь это позиция на меже, на «линии фронта», между противостоящими лагерями. Задача модератора — построить «мост» через ров-барьер, способствовать двусторонней коммуникации. На самом деле в этой позиции оказываются многие, когда не удается найти легкое решение, сильные аргументы предлагаются каждой из конфликтующих сторон, и при этом не хочется баррикад. Если реализовывать эту позицию честно, она не предполагает игру «и нашим, и вашим». За ней стоит иногда знание о сторонах, иногда лишь искреннее сочувствие и желание навести мосты, которые помогли бы всем участникам противостояния выразить себя и быть правильно понятыми. А иногда убеждение в том, что у каждого своя правда, описывающая один из аспектов реального положения дел, и лишь объединяя, складывая картины мира, есть шанс приблизиться к пониманию, адекватному отражению проблемы.

При том, что эта позиция знакома многим, на уровне действия она остается немодной и не слишком часто реализуемой. Как правило, она удерживает от вступления в ряды конфликтующих, однако немногие решаются предпринять попытки развести противостоящие стороны. Частично потому что требуются определенные склонности: смелость, открытость, энергия действовать на два фронта. При этом фигура модератора не предполагает обладание неким правильным, хорошим решением. Скорее, это позиция, которая помогает искать эффективное решение в каждом конкретном случае. Она не дает молниеносного ответа, но позволяет сделать первые шаги в таком направлении.

Модератор — внешняя позиция. Существенно, когда она становится для социального субъекта внутренней. Похоже, во многом тогда и складывается чувство меры — вопрошание, исходящее из презумпции, что не бывает легких, однозначных решений. При этом проблема не закрывается; вопрос остается открытым для новых аргументов, подбрасываемых жизнью. Груз сомнений оберегает модератора от разрушающего воздействия гордыни-знания о том, как должно быть, как правильно, и поддерживает неуспокоенность, внутренний диалог.

При том, что мы нередко «втянуты» жизнью в эту роль, далеко не всегда наше исполнение бывает удачным. Хотелось бы обратить внимание на случаи, как представляется, выразительного ее воплощения. Сразу стоит уточнить, что модератором может выступать как конкретный субъект, так и *социальное пространство*.

Мураками

Япония, конец 1990-х. Прошли судебные процессы над лидерами религиозной секты «Аум Синрикё», устроившими заринтовую атаку в токийском метро 20 марта 1995 г., вынесены оценки в виде тюремных сроков, смертных приговоров. Будучи неудовлетворен публичной представленностью трагедии «в крайне усеченном виде», «словами, позаимствованными из формального языка», Харуки Мураками, писатель с мировым именем, публикует книгу «Подземка» (1997) — полифоничный сборник интервью-свидетельств жертв атаки. «...Хотелось, насколько возможно, поставить себя на место тех, кто пострадал в тот день — 20 марта 1995 года. <...> Не просто знать, а ощутить реально, кожей, принять как скорбь, терзающую душу», — признается он, вспоминая о своем решении⁴.

Время идет, напряжение не спадает — проблема не отпускает писателя, и он берет новую серию интервью, на этот раз у членов секты, порвавших или сохранивших с ней связь. Как и в случае первой подборки, расшифровав свои многочасовые записи, сделав некоторые уточнения и получив разрешение у интервьюируемых на публикацию, Мураками представляет текст бесед для общественного прочтения сначала в журнале, а потом в книге, назвав ее «Край обетованный» (1998). В предисловии к последней он пишет о событиях, связывающих оба сборника: «Чтобы исправить определенный информационный дисбаланс, я сосредоточился на сборе свидетельств пострадавших, но когда эта работа была выполнена, меня начали обуревать сомнения, насколько точную информацию об «Аум Синрикё» мы получаем.

В «Подземке» секта «Аум Синрикё» предстает как неопределенная угроза — некий «черный ящик», — жестоко и внезапно вторгающаяся в повседневную жизнь. И я решил попытаться и приоткрыть этот «черный ящик», посчитав, что, сопоставив его содержимое с перспективой, предложенной в «Подземке», или, иными словами, проанализировав их

⁴ Мураками Х. Край обетованный. — М.: Эксмо, 2018. — С. 8, 7.

разнородность и однородность, может быть, удастся достичь большей глубины в понимании того, что произошло»⁵.

Проблема не давала успокоения писателю не только своим страшным итогом. Для Мураками очевидно, что предпринявшие заринтовую атаку в токийском метро «совершили ужасные преступления против человечности»⁶. Но трагедия не заслонила для писателя сложности произошедшего как результата длительного и очень неоднозначного процесса. Почему люди вступали в секту, порывая с самыми близкими, отдавая последнее, что у них было, и на пределе человеческих возможностей были готовы проводить в ней годы? Почему после атаки в метро, прозвучавших приговоров, услышанных чудовищных признаний, состоявшегося общественного обсуждения и осуждения многие из числа бывших членов секты, выйдя из нее, не жалеют о продолжительном сроке пребывания в ней? Почему, несмотря на произошедшее, есть те, кто остается в ее рядах? Почему среди исполнителей атаки, руководства секты были люди из числа элиты японского общества, с высшим образованием, выпускники ведущих университетов? Время не стирает для писателя ни каждый из этих вопросов, ни тугой узел, их связывающий. Он не пытается вырваться из круга одолевающих его сомнений относительно события и связанных с ним социальных процессов. «...Самую большую угрозу для нашего общества представляет не «Аум Синрикё», а явления, которые можно назвать клонами этой секты»⁷, — признается Мураками.

При этом писатель не скрывает, не ретуширует не оставляющие его сомнения, собственное незнание религиозных тонкостей, преобладание в книге здравого смысла, напротив, подчеркивает, что беседа ведет «простой, не очень образованный писатель»⁸. Похоже, подобные моменты он считает ограничениями, пределами того, на что смеет претендовать его книга, его позиция модератора. Даже свою роль при публикации интервью он минимизировал, предоставив читателю возможность оказаться почти наедине с людьми, делящимися очень личными мыслями, чувствами, переживаниями, событиями персональной судьбы. «Я предлагаю читателю то же, что стремился передать в «Подземке», — живой, «из плоти и крови», материал, необходимый для того, чтобы представить не какую-то одну точку зрения, а взгляды сразу многих людей. <...> «Коллективная история», родившаяся из рассказов отдельных людей, очень правдива

⁵ Там же. — С. 9.

⁶ Там же.

⁷ Там же. — С. 310.

⁸ Там же. — С. 13.

и достоверна. В ней есть то, что мы, писатели, остро переживаем изо дня в день. Вот что я имею в виду, считая, что это была работа для писателя», — признается Мураками⁹.

Не надо думать, что, демонстрируя проблему в ее сложности, модератор Мураками консервирует ее, оставляя на стадии многочисленных частных осмыслений, не позволяющих продвигаться в ее решении. В текстах интервью отчетливо показано разграничение в общественном сознании фигуры руководителя секты и идеи, притягательной для многих. Не менее выразительно передано влияние двух разных факторов на вступление и пребывание в секте: индивидуальной склонности и общей притягательности учения для разных людей. Но наряду с аспектами, которые переведены в разряд понятных и в этом смысле ставших простыми, для модератора Мураками остаются и те, которые он не торопится упростить, тем самым радикализовав их. Он представляет свои гипотезы очень ненавязчиво, но от этого не менее выразительно и убедительно. В этой осторожности просматривается не личный страх ошибиться, быть не поддержанным читателем. В ней чувствуется опасение не за себя, выдвигающего гипотезы-предположения, а за тех очень многих, кого касаются эти предположения — своих соотечественников. Складывается ощущение, что как модератор он считает себя ответственным и за читателей, которым предлагает свою трактовку событий, и за пострадавших в атаке и их близких, и за косвенно причастных к осуществлению атаки. Не претендуя в одиночку на решение, тем более легкое решение, он очень аккуратно, но от этого не менее искренне и соучастливо предлагает возможные ключи к направлениям, где стоит искать ответы.

Первый ключ он формулирует следующим образом. «...У меня возникло ощущение, что «Аум» как идея в большей или меньшей степени еще живет в их (бывших членов секты) душах как один из основополагающих принципов существования. Живет как идеал, имеющий конкретный образ, как память о свете, как оттиск изображения. И если однажды перед их глазами возникнет *нечто*, несущее в себе похожий свет (это *нечто* может быть связано с религией или не иметь к ней никакого отношения), они могут пойти за этим *нечто*, подчиняясь внутреннему зову, независимо от воли»¹⁰.

Второй ключ представлен через историческую параллель. «Может, это сравнение покажется неожиданным, но «Аум Синрикё» чем-то напоминает довоенную Маньчжурию. В 1932 году Япония создала там государство Маньчжоу-го. Тогда тоже

⁹ Там же. — С. 16, 13.

¹⁰ Там же. — С. 310.

молодые — продвинутые и энергичные технократы, технические специалисты, ученые — бросили насиженные места в Японии и отправились на материк, полный, как им казалось, новых возможностей. <...> Они считали, что не смогут найти эффективный выход своей энергии, пока живут в японском государстве с его насильственно-принудительной системой. Именно по этой причине они пустились на поиски новой обетованной земли, к которой легче приспособиться, где можно экспериментировать. В этом смысле — даже если иметь в виду одно это — их стремления были чисты. Они были идеалистами и вдобавок ставили перед собой «великую цель» — с уверенностью, что идут верным путем.

Проблема заключалась в том, что всему этому недоставало чего-то очень важного. Сейчас нам понятно чего: верного, объемного понимания истории или, более конкретно, единства слова и дела. Красивые гармоничные лозунги типа «Гармония пяти рас», «Восемь углов под одной крышей» стали жить самостоятельной жизнью, а неизбежно возникшая на этом фоне нравственная пустота утонула в кровавой реальности. И амбициозные технократы исчезли в бурном водовороте истории»¹¹.

Свою позицию Мураками подытоживает следующим образом: «Реальность складывается из хаоса и противоречий, и если их удалить, то, что останется, уже не будет реальностью». И еще более точно словами своего героя в книге «Послемрак»: «Человеческая жизнь не так примитивна, чтобы делить ее на мрачные и светлые стороны. Между светом и мраком — миллионы теней и переходных оттенков! И разумный человек всю жизнь учится их различать. И на то, чтоб его разум при этом не затуплялся, тратит кучу сил и времени»¹².

Близкое и повседневное

Больше всего не хочется, чтобы «случай Мураками» был воспринят как пример трудно реализуемый. Рядом с нами каждый день находятся люди, которые оказываются востребованными модераторами диалога. Так среди профессиональных задач психолога — помогать поколениям «отцов» и «детей» слышать друг друга; историк той или иной области культуры также наводит мосты между поколениями, потому что больше понимает, кому конкретный автор адресовал свой текст и как помочь прочесть

¹¹ Там же. — С. 311–312.

¹² Мураками Х. Послемрак. — М.: Эксмо, 2019. — С. 206.

произведение, созданное в иную эпоху. В этом смысле модераторы — достаточно многочисленная «социальная когорта переводчиков». Н. С. Автономова, в профессиональной деятельности которой перевод как практика и предмет анализа занимает существенное место, в монографии «Познание и перевод. Опыты философии языка» пишет: «Я полагаю, что перевод лежит в фундаменте любого человеческого действия: так всегда и было, только на это не обращали внимания. Деррида некогда сказал: везде письмо. Я говорю: везде перевод, хотя и не могу согласиться с тезисом о том, что оригиналов не существует. Просто в культуре никто, ничего, нигде и никогда не сказал в первый раз»¹³. Эти слова выразительно передают демократизм переводчика, модератора, для которого значимы разные социальные субъекты, который трепетно относится к интерсубъектным связям.

Среди повседневных переводчиков по призванию хотелось бы выделить команду российского радио «Бизнес FM». Располагаясь в прямом смысле на линии фронта, не прячась от социальных проблем, эта радиостанция помогает людям говорить и слышать друг друга. Несмотря на подзаголовок «Первое деловое радио» (во многом стартовое идентификационное имя станции), думается, точнее было бы утверждать, что «Бизнес FM» работает в логике, которую описывает фрагмент названия одной из ее рубрик: «Радио в большой стране». Не отождествляя себя с какой-то одной социальной нишей, не демонстрируя некий уникальный ракурс обзора мира новостей, радиостанции удалось вырасти во всероссийское, общегражданское. Это стало возможным во многом благодаря открытости разным социальным слоям, регионам, политическим ориентациям, при сохранении верности профессионализму и журналистской этике. Не в последнюю очередь тип деятельности — речь, свободная от внешней картинки, — помогает членам команды радиостанции сосредоточиться на содержании проблем, на боли, которую они слышат, и пытаться быть не просто эхом переживаний отдельных акторов, усилителем их чувств, неким поглощающим средством, а активным участником осмысления, что никогда не удастся какому-то единичному социальному субъекту. Честность этой радиостанции видится в двух аспектах: 1) в том, что члены ее команды умеют работать со стереотипами уже на уровне своего сознания; 2) они не борются за авторство ради авторства. Они кропотливо выполняют свое ремесло на информационных входах и выходах. Авторство

¹³ Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 13.

реализовано ими в тональности разговора, которая удается, потому что их интересует содержание во всей своей неоднозначности.

Міх стратегий

В самом начале статьи отмечалось, что вопрос меры актуализирован утратой социальными полюсами устойчивости, непоколебимости. Однако наивно полагать, будто рост числа динамичных образований с размытыми контурами и характеристиками полностью вытесняет «монументальные» социальные структуры и соответствующий им тип оценок (себя или Других). Конструктивность темы нюансов и меры не исключает того, что категоричность и однозначность будут оставаться востребованы.

Более того, если последовательно придерживаться вопроса меры, стоит признать, что один и тот же социальный субъект (как совокупный, так и индивидуальный) может демонстрировать разные стратегии поведения. Мы бываем бескомпромиссно радикальны в одних аспектах и, напротив, терпимы, сбалансированы, чутки к нюансам — в иных. Нередко между стратегиями происходит взаимовлияние. Немалую роль при этом играет контекст, который усиливает тот или иной тип, либо варианты сочетания стратегий. Причиной подобной вариативности является не только человеческая психология, но и культура как пространство возникновения, а также встреч, взаимовлияния разного.

В качестве иллюстрации хотелось бы остановиться на недавно вышедшем сборнике «Своеволие философии»¹⁴. Издание задумывалось среди прочего с целью очертить некоторые идентифицирующие контуры философской деятельности через анализ эссе как одного из заметных философских жанров. «Эссе есть поиск философом и мыслью друг друга. В эссе мысль опережает форму, а если в нем есть некая игра формы, то эта игра — от неопределенности и живости мысли, ее вечной незавершенности...»¹⁵ — пишет О. П. Зубец, составитель и ответственный редактор сборника. Эссе в данном издании представлено в исторической перспективе через чарующее многообразие. Более того, само обсуждение темы реализовано на страницах сборника как авторами, так и вдохновителями издания, в многочисленном по вариациям эссеистском формате. Такое многоголосие согласуется с тем, что эссе отличают опора на авторский личный опыт,

¹⁴ Своеволие философии: собрание философских эссе / Сост. и отв. ред. О. П. Зубец. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

¹⁵ Зубец О. П. О философском эссе и этой книге // Своеволие философии: собрание философских эссе. — С. 19.

решимость, свобода выражения субъективного ракурса восприятия, переживания, осмысления действительности, что и описывает понятие «своеволие», вынесенное в заглавие. «В эссе конкретный индивидуальный жизненный опыт становится не предметом осмысления и не поводом для мысли (хотя и то и то может присутствовать), но выразителем того, что философия есть всегда мышление философа в его единственности, воспроизводящее и порождающее мир как *его* мир. С этой точки зрения — любой подлинно философский текст есть эссе. <...> Эссе — не автопортрет, но попытка быть самим собой в мысли, это не познание самого себя, но бытие самим собой. «Я сам» как содержание эссе есть не изображение меня, например, посредством множества цитат, но это я сам, присваивающий себе многообразные высказывания других, тасующий их по собственному усмотрению, подобно тому, как я тасую события собственной жизни и жизни других, подчиняя их ходу своей мысли и превращая весь мир в опыты».¹⁶

На фоне содержательного и структурного многоголосия, и в этом смысле «демократизма», издания при осмыслении философской жизненной позиции и эссе в качестве жанра ее воплощения дает о себе знать процедура противопоставления. При этом в сборнике присутствует как минимум два их типа.

Так, для описания философского своеволия были «привлечены» те, кто отличаются, Другие, лишенные или которым отказано в данном конкретном качестве; при этом указывается на то, что ограничивает свободу, устанавливает преграды, наступает на ее пространство, не дает быть реализованной. Признаюсь, создалось впечатление (и не впервые), что философский лагерь, время от времени оказываясь в положении жертвы, в свою очередь начинает искать жертву, причисляя к этому разряду достаточно многое и многих: здравый смысл, обыденное сознание, повседневность; толпу, обывателей, обыкновенных людей. Своего рода косвенными доказательствами распространенности такой стратегии выступает адресованное философии предложение проститься с ролью, «когда некто в высокомерной позе сообщает нам истину мироздания, доставшуюся ему от древних или открывшуюся во время одинокого блуждания по лесной тропе», и обрести «демократизм, которого так не хватает философии», поставить вопрос об «общности с теми, с кем мы радикально разобщены временем, историей, социальным опытом,

¹⁶ Там же. — С. 26–27.

а также с теми, кто, будучи рядом, продолжает оставаться для нас «чужаками» <...> с самыми обыкновенными людьми»¹⁷.

Замечание: «Непониманием, впрочем, страдают не только все, но и коллеги»¹⁸, — указывает на иной тип противостояния — внутрифилософский, реализованный в сборнике не менее жестко. В этом случае философия предстает как исторически меняющаяся, неустанно ищущая, самокритичная. Читатель оказывается свидетелем того, что по-прежнему защита требуется и для Гегеля, и для Ницше, не утихают споры вокруг текстов Деррида.

Складывается ощущение, что нет шансов освободиться от процедур противопоставления и категоричных оценок. По всей видимости, для формирования конкретной «идентичности» всегда будет привлекаться механизм противостояния. И нынешние времена — не исключение. Противопоставление — это та форма определенности, которая необходима, в том числе, сегодняшней неопределенности для утверждения себя как реального факта. Например, Е. В. Петровская, обращая внимание на «неустойчивость как базовую характеристику социальной жизни в современных постиндустриальных странах»¹⁹, прибегает к такому варианту противопоставления, как «оригинальные философы» и «просвещенные читатели», для которых не всегда очевидно, что практикуют первые²⁰.

Тем временем попытки ослабить старые и новые формы противостояния ведутся. В названном сборнике предлагаются свои варианты. Представляется, что, будучи втянут чтением в пространство соприсутствия разного, непрекращающегося звона от скрещенных словесных шпаг «критиков» и «защитников», читатель данного издания обретает возможность не только и не столько выбрать для себя какой-то из полюсов, сколько солидаризироваться одновременно с несколькими из их числа, с аргументами, принадлежащими разным сторонам, а значит, в некоторой степени сгладить для себя самые радикальные заявления.

¹⁷ Аронсон О. В. Елена Петровская. Портретное эссе // Своеволие философии: собрание философских эссе. — С. 386.

¹⁸ Свасьян К. А. Безутешность философии // Своеволие философии: собрание философских эссе. — С. 408.

¹⁹ Петровская Е. В. Своеволие знака // Своеволие философии: собрание философских эссе. — С. 390.

²⁰ Там же. — С. 388.

Именно организация пространства пребывания разных позиций и выступает в данном случае модератором. Смелость сборника заключается в том, что он не страшится предоставить позициям возможность эксплицировать себя выразительно ярко, порой резко, громко, при этом не сопротивляясь возможности быть рядом с Другими. Рядоположенные позиции позволили читающему свободно пребывать между ними. Результатом оказывается не какая-то среднеарифметическая линия-взгляд, а менее категоричная позиция читателя, формирующая чувство меры, чувствительность к нюансам. В этом смысле, как и задумывалось, издание дарит читающему возможность для личного своеволия.

Во временной перспективе

Принцип меры и роль модератора обретают значимое место в современной нам жизни не только когда мы осознанно делаем выбор в их пользу и стараемся последовательно придерживаться такого решения. Существуют также объективные факторы, работающие на описанную социальную тенденцию за пределами наших целенаправленных усилий. Время приводит с собой новые поколения, которые пытаются по-своему распорядиться «багажом противостояния» отцов, а еще ранее — дедов. Не будучи непосредственными участниками прежних битв, на себе не испытав боль утраты близких и разрушающее действие эмоций борьбы, представители «молодого взгляда» оказываются, как ни странно, *рационально опытнее*, восприимчивее к амбивалентной сложности социальной действительности. Они не отягощены тем прежним *опытом действия* и свободны для размышления, которое допускает разное. Наряду с «врожденными» модераторами, подобными историческому прототипу главного героя романа Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик»²¹, наш современник предлагает свои варианты воплощения этой стратегии. То более или менее фантастические истории, как в романе Е. Водолазкина «Авиатор», где в эпиграфе и ближе к концу повествования

²¹ «Подлинный Даниэль» — Освальд Руфайзен — подсказывает Л. Улицкой мысли, которые она бережно принимает и передает (через голоса своих героев или личные письма) разным поколениям читателей: «Наше сознание так устроено, что отрицает нерешимые задачи. Если задача есть, должно быть решение. Только математики знают про спасительную формулу — при заданных условиях задача решения не имеет. Но если нет решения, то хорошо бы хоть увидеть саму проблему, обойти ее с заду, с переду, с боков, с верху, с низу. Она вот такая. Решить невозможно. Вещей таких множество <...> Все вопросы для честных детей. Пока малы, задают вопросы, а когда вырастают, находят подходящий ответ в отрывном календаре или в катехизисе». (Улицкая Л. Е. Даниэль Штайн, переводчик. — М.: Издательство АСТ, 2018. — С. 261.)

«звучат» слова: «Всегда ведь найдется тот, чей обзор достаточно широк»²². То публицистические признания: «Я с детства знал, кто виноват. Это у меня семейное. У нас дома всегда было принято делить людей на своих и чужих. Свои были правы. Чужие — виноваты. А где-то в других домах чужими считали нас. Там, в тех домах, тоже зарабатывали на жизнь и растили детей. Только для них правыми были они, а виноватыми мы. И поэтому, когда в нашей жизни случалась оттепель, в их жизни происходил застой. А когда у нас начинался застой, у них наступал подъем»²³.

Модераторы-современники хорошо знают историческую фактуру. Претензии к тем, с кем не согласны, не мешают им слышать разные мнения, включая самые тихие. И сами они придерживаются спокойной тональности. Не ретушируют трагическое, не предают его забвению. Ощущают себя ответственными не столько найти, указать виновных, сколько разобраться в механизме противостояния, порождающего в том числе жестокость. У сбалансированной тональности свои источники, питающие ее. В частности, трепетное отношение к жизни, презумпция ее культурной многоликости. А еще — допущение вероятности очень серьезных ошибок, применительно к которым никогда не закрыты пути для переосмысления. Бесспорно, речь идет не об оправдании зла, а о попытке понять его истоки, не об игре по правилам «ответного зла», а о поддержании жизни, самоценной и скоротечной.

И, похоже, это не только субъективное ощущение, но тенденция, подкрепляемая статистическими фактами. Социолог Г. Юдин отмечает: «В последнее время в российской исторической памяти происходит целый ряд любопытных сдвигов. Если говорить о тенденциях, то главное — это усталость от исторических войн. За последние тридцать лет мы пережили несколько резких движений маятника — от полного отрицания советского прошлого до возведения его в культ. Они не дали никакого успокоения — всегда есть вторая сторона, у которой своя убедительная правда. Поэтому люди устают от этого и все чаще склонны занимать примирительную позицию. <...> Дарья Хлевнюк называет это «нейтральной историей». <...> Любой опрос, который прижимает респондента к стенке («да или нет?»), обречен упустить эту тенденцию»²⁴. Не без

²² Водолазкин Е. Г. Авиатор. — М.: Издательство АСТ, 2016. — С. 7, 409.

²³ Яковлев В. Я с детства знал, кто виноват... // «Фейсбук». 18.04.2019. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2093569447603110&id=100008502246543&substory_index=24

²⁴ Юдин Г. Б. Десять тезисов о любви к Сталину // Эхо Москвы. Блоги. 19.04.2019. URL: <https://echo.msk.ru/blog/grishayudin/2410897-echo/>

сложностей наметилось движение в сторону осмысления сложности мира и жизни. Надолго ли?

Литература

Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. — М.: РОССПЭН, 2008. — 704 с.

Автономова Н. С. Гаспаров и перевод: от Аристотеля к Деррида // Своеволие философии: собрание философских эссе / Сост. и отв. ред. О. П. Зубец. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. — С. 238–253.

Аронсон О. В. Елена Петровская. Портретное эссе // Своеволие философии: собрание философских эссе / Сост. и отв. ред. О. П. Зубец. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. — С. 386.

Бауман З. Текучая модерность: взгляд из 2011 года. URL: <https://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>

Бауман З. Текучая современность. — СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Водолазкин Е. Г. Авиатор. — М.: Издательство АСТ, 2016. — 410 с.

Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. — М.: Политиздат, 1987. — 368 с.

Зубец О. П. О философском эссе и этой книге // Своеволие философии: собрание философских эссе / Сост. и отв. ред. О. П. Зубец. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. — С. 11–28.

Мураками Х. Мир обетованный. — М.: Эксмо, 2018. — 320 с.

Мураками Х. Послемрак. — М.: Эксмо, 2019. — 224 с.

Петровская Е. В. Своеволие знака // Своеволие философии: собрание философских эссе / Сост. и отв. ред. О. П. Зубец. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. — С. 386–393.

Свасьян К. А. Безутешность философии // Своеволие философии: собрание философских эссе / Сост. и отв. ред. О. П. Зубец. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. — С. 406–417.

Тынянов Ю. Н. Пушкин. — М.: Художественная литература, 1987. — 544 с.

Улицкая Л. Е. Даниэль Штайн, переводчик. — М.: Издательство АСТ, 2018. — 576 с.

Юдин Г. Б. Десять тезисов о любви к Сталину // Эхо Москвы. Блоги. 19.04.2019. URL: <https://echo.msk.ru/blog/grishayudin/2410897-echo/>

Яковлев В. Я с детства знал, кто виноват... // «Фейсбук». 18.04.2019. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2093569447603110&id=100008502246543&substory_index=24

References

Aronson O. V. «Elena Petrovskaya. Portretnoye esse» [Helen Petrovskaya. Portrait essay], in: Svoeyevoliye filosofii: sobraniye filosofskikh esse [Self-willing Philosophy. A collection of philosophical essays]. Moscow: LRC Publishing House, 2019, p. 386. (In Russian.)

Avtonomova N. S. Poznanie i perevod. Opyty filosofii yasyka [Knowledge and Translation. Experiences of the Philosophy of Language]. Moscow: ROSSPEN, 2008. 704 p. (In Russian.)

Avtonomova N. S. «Gasparov i perevod: ot Aristotelya do Derrida» [Gasparov and Translation: from Aristotle to Derrida], in: *Svoyevoliye filosofii: sobraniye filosofskikh esse* [Self-willing Philosophy. A collection of philosophical essays]. Moscow: LRC Publishing House, 2019, pp. 238–253. (In Russian.)

Bauman Z. *Tekuchaya modernost': vzglyad is 2011 goda* [Liquid Modernity: View from year 2011] URL: <https://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (In Russian.)

Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. St. Petersburg: Piter, 2008. 240 p. (In Russian.)

Grushin B. A. *Massovoe soznanie: Opyt opredeleniya i problemy issledivaniya* [Mass Consciousness: Experience of definition and research problems]. Moscow: Politisdat, 1987. 368 p. (In Russian.)

Murakami H. *Krai obetovanyi* [The Promised World]. Moscow: Eksmo, 2018. 320 p. (In Russian.)

Murakami H. *Poslemrak* [After Dark]. Moscow: Eksmo, 2019. 224 p. (In Russian.)

Petrivskaya E. V. «Svoevoliye znaka» [Self-willing Sign], in: *Svoyevoliye filosofii: sobraniye filosofskikh esse* [Self-willing Philosophy. A collection of philosophical essays]. Moscow: LRC Publishing House, 2019, pp. 386–393. (In Russian.)

Swassjan K. A. *Bezuteshnost' filosofii* [The Inconsolability of Philosophy], in: *Svoyevoliye filosofii: sobraniye filosofskikh esse* [Self-willing Philosophy. A collection of philosophical essays]. Moscow: LRC Publishing House, 2019, pp. 406–417. (In Russian.)

Tynyanov Yu. N. *Pushkin*. [Pushkin]. Moscow: Khudoshkestvennaya literatura, 1987. 544 p. (In Russian.)

Vodolazkin E. G. *Aviator* [Aviator]. Moscow: Publishing House AST, 2016. 410 p. (In Russian.)

Ulitskaya L. E. *Daniel' Shnain, Perevodchik* [Daniel Stein, Interpreter]. Moscow: Publishing House AST, 2016. 576 p. (In Russian.)

Yakovlev V. «Ya s detstva znal, kto vinovat...» [I knew from childhood who was to blame...], in Facebook. 18.04.2019. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2093569447603110&id=100008502246543&substory_index=24 (In Russian.)

Yudin G. B. «Desyat' tezisov o lyubvi k Stalinu» [Ten talking points about love for Stalin], in *Ekho Moskvy. Blogi* [Echo of Moscow. Blogs]. 19.04.2019. URL: <https://echo.msk.ru/blog/grishayudin/2410897-echo/> (In Russian.)

Zubets O. P. «O filosofskom esse i etoi knige» [On the philosophical essay and this book], in: *Svoyevoliye filosofii: sobraniye filosofskikh esse* [Self-willing Philosophy. A collection of philosophical essays]. Moscow: LRC Publishing House, 2019, pp. 11–28. (In Russian.)

Nuances or In Search of Difficult Solutions

Syrodeeva A.,
Institute of Philosophy,
h.puck@mail.ru

Abstract: Unstable, in many ways not strictly defined social subjects are an obvious reality nowadays. Social groups today have less and less «clear», unambiguous features. On the contrary, ownership of many different traits prevents the formation of «sharp corners», sharp features of the portrait. Why, however, does our contemporary prefer to be guided by unambiguous criteria and assessments corresponding to the rather rigid-static structural organization of society? After all, in this way we often participate in the emergence of social gaps and in turn become the hostages of public confrontation. Can we hope to abandon such a strategy in favour of a more flexible and balanced one? The approach in terms of «level», «amount» of a particular characteristic, as well as the position of the moderator of the dialogue in this sense, seem to help our contemporary.

Keywords: uncertainty, diversity, ambivalence, unambiguity, dichotomy, confrontation, moderator, nuances, stereotypes, the Other.